

Текстуальность утопии как поле критичизма философии постструктурализма: от эйфории и псевдокартографии к трансгрессии

Аннотация. Статья посвящена концептуализации утопии сквозь призму философии постструктурализма и семиотики. Намечены основные проблемы и сделаны попытки решения наиболее сложных вопросов. Эти вопросы касаются эйфории знака утопии, соотношения утопии и идеологии, утопии и истории, утопии и феномена трансгрессии. Каждая из поставленных проблем требует дальнейшего решения, детализации и концептуализации.

Ключевые слова: утопия, трансгрессия, эйфория, знак, постструктурализм.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

В XX столетии развивается семиотика – наука, изучающая так называемую знаковую реальность, вторгающаяся в природу и сущность знака, разрывающая знак и изучающая его «пласты». Постструктуралисты (например, Ж. Деррида), знакомые, в числе прочего, и с основными данными семиотики, приходят к положению о текстуальности бытия, о мире как тексте, о бытии человека как бытии языка. Методология лингвистов критикуется как устаревшая, тезаурус лингвистики претерпевает деформацию. В частности, понятие произведения и методология исследования произведения объявляются несостоятельными, меркнет фигура автора-творца. И произведение, и автор растворяются в Тексте – всеобъемлющей ткани цитат в кавычках и без кавычек, в средоточии кодов культуры. Постструктурализм «нагружает» обновляющийся тезаурус понятиями детерриториализации, ретерриториализации, мифемы и многими другими, заставляя взглянуть на уже «известное» как на принципиально новое.

Такого критического взгляда не может избежать и утопия, признаваемая лингвистами жанром (самостоятельной, выделенной целостностью). Утопия для многочисленных исследователей – по-прежнему трудноопределимая совокупность произведений (но не текстов). Лингвисты полагают, что утопия как жанр открывается для концептуализации, позволяя определить функтивы и функции, нарисовать карту атрибутов. Многие современные исследования ориентируются на историческую ретроспективу утопии, на отдельные произведения (именно произведения, а не тексты). Существует, например, обзор книг по литературной утопии, [1] интерпретируются российские произведения, [2] классифицируются жанры русских утопий XVIII – начала XX века. [3]. В последнем случае представлены минимум два условия «ограничителя» – временной и национальный.

Данная статья представляет собой введение в комплексный анализ утопии, рядоположенность предварительных замечаний, требующих дальнейшего уточнения, раскрытия и иллюстрирования. Утопия, рассматриваемая ранее как обозначение спектра произведений, должна быть рассмотрена и как знак, целокупность первичной и вторичной семиотических систем; в противном случае продвижение к пониманию существа целого пласта культуры становится невозможным.

В одной из фундаментальных работ по семиотике – «Системе моды» – французский структуралист и постструктуралист Р. Барт акцентировал внимание на том, что знаковая система или обособленный знак зачастую выступают источником возникно-

вения эйфории. Как известно, знаки и знаковые системы могут иметь как одно означаемое (вместе с этим – множество означающих), так и, напротив, множество означаемых и единственное означающее. Система, обладающая множеством означаемых, но одним означающим вызывает, по оценке Р. Барта, тревожное состояние [4].

Тревогу, например, вызывает символ. Символ провоцирует множество интерпретаций (в том числе контрарных), но всегда ускользает от интерпретатора, оставляя шлейф загадочности, как будто демонстрируя свою глубину лишь затем, чтобы вновь скрыть ее от «посторонних» глаз. Так, по выражению Р. Барта, под крестом залегают пласты христианства. Крест одиноко высится над напластованиями смыслов, каждая из попыток рассмотреть «дно» символа оказывается лишь «одной из». Ю. М. Лотман, именующий символ «законченным текстом», признавал то, что символ вместе с тем и архаичен [5]. Архаическая «природа» символа затрудняет его сожителство в синтагме. Символ всегда сохраняет некую самостоятельность, хотя и оказывается в синтагматическом ряду. Иными словами, являясь элементом «плоскости», символ уподобляется вовсе не «путешественнику», не точке, пробегающей эту плоскость, а лифту, стремящемуся возвыситься (устремленность к будущему) или отправить интерпретатора в глубины истории.

Напротив, если система имеет множество означающих и одно означаемое (или небольшое число таковых), то она внушает спокойствие, провоцирует эйфорическое состояние. Примером такой системы (вероятно, наиболее популярным и очевидным) является рядоположенность синонимов. Умиротворение появляется тогда, когда субъекту не нужно искать дна, когда субъект вполне осознает то, что дна можно коснуться в любой момент. Спокойствие, подогреваемое уверенностью в знаниях, нелегко развеять. Да и нужно ли выводить человека из состояния эйфории? Этим же вопросом, по существу, задавался и Р. Барт, развенчав культ юной поэтессы Мину Друэ, но заметив и то, что выступать против маленькой девочки «всегда нехорошо» [6].

Таким образом, знак провоцирует тревогу и вводит в состояние эйфории. Языковая ткань – один из наиболее значимых истоков этих и многих других состояний. Следует указать на то, что знак обладает более широкими возможностями, его власть репрессивна (это довольно часто отмечал Р. Барт), знак может прикидываться, «скрывать» смысл или скрывать отсутствие такового. Дискурс может внушить человеку спокойствие, «заразить» собственной эйфорией и тогда, когда существует одно означаемое, а означаемых множество, когда форпосты синтагм, «столпы» знаковых рядов скрывают под собой rhizome – гетерогенность, разрыв, множественность. Такой дискурс способствует возникновению иллюзии порядка, ясности, очевидности. Дискурс словно являет подобие модели рыночного равновесия (величина совокупного спроса равна величине совокупного предложения, нет ни перепроизводства, ни дефицита). Кажется, знак не имеет диспропорций, не влечет за собой ни «дефицита», ни «профицита», а имеет лишь одно означающее и одно означаемое. Видимость порядка, «чудесным» образом образовавшуюся из хаоса, иллюзию равновесия знака, формирует дискурс утопии. По оценке Ж. Лакана (данной в одной из лекций), язык вообще не позволяет выразить мысль однозначно, всякая мысль имеет два, пять, двадцать пять значений. Синтагмы ведут с интерпретатором игру, в которую, даже не желая того, субъект вступает, отправляясь по коридорам Библиотеки, но никакая книга этой Библиотеки не дает желаемой однозначности. Однозначность, как и рыночное равновесие, сама становится утопической и наносится на любую карту, кроме географической. Дискурс утопии прикидывается линейным, интегрирующим очевидные и однозначные единицы (например, сочетания слов). В самом деле, эйфория возникает

потому, что знак становится фата-моргана. Означающее «правитель Древности» отсылает к означаемому – «жизнь в соответствии с Ритуалом», «ритуальность», означающее «жизнь утопийца» отсылает к означаемому добродетельности.

Утопия провоцирует состояние эйфории, но несет в себе «зародыш» тревоги. Прежде всего, эйфорией пронизан сам дискурс утопии. «Агентами» эйфории выступают слово, сочетание слов, фрагмент текста, персонажи, диалоги и многое другое. Короче говоря, эйфорией пропитана языковая ткань, внушающая (не без влияния автора утопии) иллюзию осведомленности в содержании кодов (кода Морали, кода Права и т. д.). Дискурс утопии являет систему координат, которая имеет устойчивые, а не плавающие значения; оси абсциссы и ординаты выступают полями актуализации неизменных величин. Утопия притворяется константой, величиной, обозначающей предел, преодолеть который невозможно (нельзя перешагнуть границу, ее можно лишь немного изменить), потому что этот предел – лишь продукт интеллигибельности. Упоминания о сверхсветовых скоростях позиционировались многими учеными как плоды фантазии.

Утопия территориализируется, но имеет псевдокартографический топос. Иными словами, текстуальность имеет нити, сцепленные в подобие целого, представляющие собой узор. Этот узор и представляет собой территорию-фантазм, которая словно «пристраивается» к карте, пускает корни в Гео, но эти корни интеллигибельны. Химера, выраженная, в частности, симулякроем географии, псевдотопосом, может смутить лишь того, кто никогда не изучал школьных карт и картосхем. Утопия вынуждена, появляясь в мире, учитывать «раскройку» этого мира, признавать «места» вокруг себя. Сама не являясь «местом», «топосом», утопия территориализуется в тексте; текстуальность же продуцирует фантазм «топоса», языковая ткань и оказывается «почвой», взращивающей плоды утопии. Перед читателем, таким образом, псевдогеография (квазигеография). На первый взгляд, такой прецедент, как, например, утопия Г. Уэллса («Люди как боги»), идет вразрез с замечаниями о квазигеографии. Перед читателем предстают точки, линии и штрихи картины квазипараллельного мира. Но и в этом случае утопия не в состоянии «оторваться» от Земли. Утопия Г. Уэллса – это колоссальный разрыв времен, но не более того. Квазипараллельный мир имеет точки сочленения с миром, в который помещены персонажи утопии. Текстуальная сеть имеет нити, связывающие чужой мир с земным (собственно земной мир будущего с земным миром «настоящего»). Подобно тому, как шифтер превращает властный и абстрактный язык в «живую» речь, географические пункты становятся проводниками эйфории. Читатель успокаивается, внедряясь в текстуальную ткань: люди стали квазибогами, но «олимпийцами», сходящими на землю (вернее, пока не воспарившими к высотам Олимпа).

Объяснение *causa* такого положения (становления лжегеографии, подпитки геофантазма) следует оставить в стороне. Вполне возможно то, что Х. Ортега-и-Гассет выразил *causa* с претензией на универсализм: человеку свойственно любить «наш» мир, мир, освоенный, ретерриториализованный в сознании [7]. Пережить «становление-садом» (речь идет об аффекте в интерпретации Ж. Делеза и Ф. Гваттари [8]) можно лишь тогда, когда в перцептивное поле вторгается «человеческий» сад, а не сад-конструктор, не такое изображение сада, какое еще необходимо дешифровать. Деталью сада-конструктора выступают контуры, мазки, штрихи, пустые (чистые) формы и т. д. Утопия, вполне вероятно, вынуждена выглядеть «натурализованной», «приземленной» затем, чтобы эффективно ретерриториализоваться в сознании. Пронзить сознание, провоцировать человека на «становление-солярием», «становление-севарамбом» и т. д. – разве не это предел экспансии?

Особого внимания заслуживает проблема поиска демаркации утопии и идеологии. По крайней мере, следует идти в поисках дальше, нежели ушла школа К. Мангейма. Противопоставление утопии и идеологии возможно, полагал К. Мангейм, потому что утопия взрывает существующий порядок, а идеология стремиться его сохранить, репродуцировать, пролонгировать *status quo*.

Де-факто утопию и идеологию нельзя жестко разграничить, хотя, вероятно, речь идет о глубоко различных дискурсах, семиотических комплексах. Демаркацией не может выступать принадлежность к тому или иному модусу времени: утопия, прикрытая квазигеографией, помещается и в «настоящее», и в будущее время, идеология же далеко не всегда консервирует существующий порядок (или видимость такового). Идеология не менее «взрывоопасна», нежели утопия. Примером тому является деятельность так называемых «радикальных», «ультралевых» партий, стремящихся к абсолютной детерриториализации и ретерриториализации, окружая неофитов «смутными» знаками, – знаками, что внушают эйфорию.

Существует соблазн разграничить утопию и идеологию, основываясь на принципе территориализации (как «внутренней», так и «внешней»). Но утопия и идеология территориализуются в текстах, они живут как тексты, как сообщения, испещренные коридорами смыслов, пронизанные цитатами в кавычках и без. «Внутренней» территориализацией в данной статье именуются «становление-пространством» и «становление-границей», происходящие «внутри» текста и произведения, «внутри» сюжета. Кажется то, что идеология не нуждается в территории-фантазме. Идеолог пользуется земными координатами, долготой и широтой, а нулевой меридиан потенциалов идеолога пронзает обсерватории земных городов. Идеологу не нужно создавать квазипараллельного или параллельного мира. На деле любого исследователя, взявшего за основу такое «отличие», ждет разочарование. И утопия, и идеология, нуждаются (но не с необходимостью) в территориях-фантазмах. Молодой и, вероятно, полный решимости, человек (модель человека) с уверенностью смотрит на нас с плаката. Лицо юноши – элемент курса, типового изображения, нивелирующего всякие «особенные» черты. Это лицо манекена, лицо-«модель». Содержание плаката (носителя изображения юноши), находится, как и любой другой элемент идеологии, на перекрестье денотации и коннотации. Конечно, денотация не заслуживает (не должна заслуживать, по замыслу идеологов) особого внимания. Вторичная семиотическая система экспандирует смысл, «скрадывает» его, притягивает, подобно магниту, внимание читателя сообщения. Коннотация базируется на провозглашении Советского Союза космической державой. Границы пролетарского государства разомкнуты, и линии границы устремлены в Космос. Лицо-«модель» – ни что иное, как лицо безликого исследователя Космоса, выступающего от имени Коллектива, призывающего своим спокойствием и бесстрашием уверовать в трансгрессию. Трансгрессия низводится на уровне коннотации до трудного, но вполне реального шага (перешагивания). Обращение к исторической ретроспективе тоже является частью вторичной семиотической системы. Потрепанный красный флаг, декларирующий становление власти Советов, изображен слева и сигнализирует о прошлом (согласно пресловутой «ленте» времени), справа изображен новый флаг (уже не содержащий устаревшего знака кириллицы). Новый флаг – аккумулятор достижений и выразитель «наличествующего» и воплощенного должного («наука и коммунизм», прочнейшее соединение первой со вторым). «Октябрь», оторванный от денотативного уровня, стал знаком высшего порядка, истоком гармонии, Рубиконом царства необходимости и царства свободы. Именно Октябрь (нельзя ре-

презентировать этот знак, используя прописную букву) открыл путь в Космос, разомкнул границы, низвел трансгрессию до уровня вполне реального перехода, космического анабасиса. Идеология, базирующаяся на вторичной семиотической системе, – organismus, обладающий тканевым дыханием. Как и всякая динамика, идеология, не может игнорировать территориализацию и ретерриториализацию. Топосом идеологии в XX веке становится Космос, представляющий собой территорию-фантазм, территорию, окутанную коннотацией. Космос становится калейдоскопом образов, сетью отсылок, цитат, доксы. Иными словами, космос «возделывается», и вместе с этим территория без видимых границ становится Меккой и Каабой. Одна из задач коннотации – питать иллюзию о доступности Космоса (доступности не только для кораблей, но и для разума). Но на этом вторичная семиотическая система не исчерпала своего функционала. Другой задачей становится создание и поддержка связи разомкнутых в Космос границ с коммунизмом, а коммунизма – с Октябрем.

Особого внимания заслуживает вопрос о существовании трансгрессии, о которой уже не раз упоминалось ранее. Возможна ли трансгрессия, преодоление «непреодолимого», стремление к иному, внеутопическому? Дискурс утопии дает и положительный, и отрицательный ответ на этот вопрос. Преодоление границ возможно и оно происходит, не являясь при этом социальным «законом». Поскольку утопия есть квазигеография, то и расширение границ (равно как и открытие, любое изменение) – квазирасширение, фантазматическое изменение. Такое расширение имеет в дискурсе Т. Мора характер экспансии: отказ от предложения «стать утопийцем» карается захватом и подчинением [9].

Вместе с тем дискурс отрицает всякое преодоление индивидом границ социальной и духовности «де-факто». Но иллюстрации трансгрессии тем не менее наличествуют даже в утопии (хотя, кажется, имманентны антиутопии). Для любого, пытающегося преодолеть непреодолимое, дискурс утопии использует ярлык «преступник». Но такой ярлык недостаточен, потому что отсылает к известному понятию юриспруденции и категории законодательства. Дискурс утопии наделяет знак преступности устойчивой и чрезвычайно сильной коннотацией, (любая коннотация является приращением к денотации оценки, эмоций, чувств), способствующей отождествлению преступника с «несчастливым», «заблудшим» и т. д.

Существует известный соблазн сравнить утопию с кристаллом. Акцентируя внимание на жесткости связей, цементировании социального целого, на инвариантности отношений Nowhere, исследователь, как правило, выносит суждение о статичности общества утопии. Иными словами, самосохранение как будто становится (объявляется) credo, достаточным основанием, квинтэссенцией утопии «кристалла». Утопия едва ли не отождествляется с вытесненным (быть может, замещенным) инстинктом, с экспансией либидозного начала, пускающего корни в почву социума. Социальное целое, переживающее, переводящее, перерабатывающее и консервирующее в переработанном виде принцип аутостатистики (автокрионики), уподобляется египетской мумии, совершившей невозможное, или закупоренной алюминиевой банке.

Психоаналитики, выступающие против такой интерпретации инстинкта самосохранения, вместе с этим выступают и за демонтаж понятия либидо (вслед за демонтажем понятия либидо коррекции ожидает и Эрос). Расширение перцептивного поля, вторжение в поле восприятия Другого, несущего с собой возможные миры, открытость и противостояние потенциальным мирам – важнейшие показатели динамики, сегменты развернутости в пространственно-временном континууме. Пробегающая по напластованиям утопического точка фиксирует, «кадрирует» положения-форпосты.

Иными словами, утопия является, как и история, дискретной, заведомо кадрированной, преобразованной в спектр псевдоденотаций (на самом деле – искусно прикрытых коннотаций), лучших, но специально отобранных, вместе с тем требующих буквального понимания снимков. Интенсивная точка, пробегающая по напластованиям знаков, фиксирует все, врезающееся в перцептивное поле, и все, требующее аншлюса мира Другого. Претерпевая кадрирование, утопия сближается с историей хронографов (хронографией, хронологией). Отождествление хронологии и истории ведет к тому, что Ф. Ницше именовал «монументалистским подходом», к признанию «важности» того или иного события, появлению калейдоскопа «ценных», «ключевых» фактов. «В год 6541 ничего не было» – типовая «формула» дискретности, интервенции в прошлое, консервации (подразумевающее раннюю переработку) социальных кодов.

Фиксируя точки-форпосты, утопия все же размыкается, открывается миру. Ткань утопии, имеет нередко едва видимые разрывы, сквозь которые просматривается внешний мир, сквозь которые утопия вынуждена переживать коммуникацию (впрочем, почему обязательно вынужденно?). Открываясь миру, иногда даже демонстрируя «дышла», утопия не приобретает признака статичности. Сравнение утопии с кристаллом утрачивает всякую корректность. Уподобление утопии кристаллизованному топосу, где никакой интенсивности как будто не наблюдается, а любые пробегающие по напластованиям (и пронизывающие напластования) точки – не более чем химеры или фантазмы, возникает потому, что исследователь, по-видимому, претерпевает «становление-хронографом»; текстуальность в процессе такого становления подвержена процедурам отреза, раскройке, разрезания и другим. Утопия обращается пересказом без сюжета, парафразом, что парит над конструкциями и схватывает их как застывшие, абиогенные.

Существует известный плюрализм в формах размыкания утопии. Вместе с тем пространственно-временной континуум выступает неизменным стражем, наносящим превентивный удар по плюрализму, предупреждающим переход плюрализма в стадию «дикости». В противном случае, утопия становится хаосом, бесконечными исчезновениями и становлениями (интенсивностями), которые вообще не удалось бы схватить, концептуализировать, вынужденно и временно крионировать. Место, которого нет на карте, утратило бы всякое влияние на имажинацию.

Уже упоминавшимися формами размыкания границ утопии выступают экспансия и интервенция. Утопиец, вторгающийся в мир Другого, вместе с тем демонтирует бытие Другого. Экспансия имеет «цивилизаторское» основание, ключевым пунктом которого выступают размытые понятия блага, лучшего мира. А priori считается, что Другой не цивилизован, ущербен и в связи со своей ущербностью может производить лишь симулякры. Симулякры семьи, общества, государства – основные, но далеко не единственные. Варвар становится знаком с откровенной, неприкрытой коннотацией; означаемое данного знака является супрасегментным. Варвар – тот, кто специализируется на симулякрах, живет в мире *delusio*. Проникновение в варварский мир, как правило, не оборачивается диффузией. В бескомпромиссности экспансии утопия (будь то «Золотая книжица» Мора или «Красная звезда» Богданова) тяготеет к иному полюсу (антиутопии), сплющивая карту-симуляцию. Интеграл, по существу, становится ценностью в качестве орудия экспансии, «уравнения».

Открытость миру, размыкание и образование лакун (вытекающая отсюда потенциальность возникновения гетерогенных смесей) вовсе не обязательно таит в себе агрессию («цивилизаторский путь») утопийцев. Сама утопия может выступить в роли «потерпевшего». Разомкнув границы, утопия способствует тем самым вторжению, вынужденно превращается в смесь из контрарных реагентов, теряет «самость». Подобное состояние

напоминает тело, подвергающееся пересадке чужеродных, а не плюрипотентных клеток. Утопия, лишенная псевдогеографии, не экстрагируется, а растворяется. Такому растворению подверглись утопия Пали [10] и утопия сна «смешного человека» [11]. Персонаж «фантастического рассказа» Достоевского воплощает аутоагрессию. Впрочем, невозможно уверенно судить о том, является ли искушение поводом для inflammation личностного кризиса (в противном случае речь должна идти о псевдоаутоагрессии).

Таким образом, утопия несет в себе и зародыш эйфории, и зародыш тревоги. Эйфорию вызывает знак утопии, скрадывающий множественность, таящуюся за ним. Утопия территориализуется как псевдогеография, псевдотопос. Отсылки к картографии, «реальной» карте – средства, провоцирующие эйфорию. Тревогу провоцирует догадка о множественности, о ризоме означаемых.

И утопия, и идеология нуждаются в детерриториализации и ретерриториализации. В этой необходимости находится точка сочленения. И идеология, и утопия нуждаются в территориях-фантазмах, в выходах, «шагах через».

Вместе с тем и идеология, и утопия пытаются нивелировать трансгрессию, обратить невозможное в почти случившееся, в «становящееся»; утопия находится с трансгрессией в весьма напряженных отношениях. Идеология именует невозможное возможным, не случившееся – «почти» случившимся. Иными словами, и утопия, и идеология – игра с «лентой» времени. Вторичная семиотическая система (таковы и утопия, и идеология) паразитирует на первичной. Коннотация вообще, в числе прочего, обладает «эффектом» натурализации. Утопия хочет выглядеть естественной, тогда как внеутопическое (все, что не есть псевдогеография) – извращение, *delusio*, варварство. Перечень означаемых можно было бы продолжать. Идеология тяготеет к такой же натурализации, собственно, идеология фундирована натурализацией вторичных смыслов.

Трансгрессия утопии – это и *extension* квазигеографии, и преступление как *unreason*, буйство иррационального.

Утопия кадрирована, дискретна, но вместе с тем постольку, поскольку она – текст, то за дискретностью (равно как и за кадрированием любой, а тем более «монументальной» истории) скрываются лабиринты синтагм. Описание утопии (пересказ, набросок «смысла») подобно пересказу истории, хронографу. И историю, и утопию вместе с тем необходимо временно крионировать для того, чтобы схватить смыслы. Парадокс стрелы отсылал к иллюзорности мысли о движении, парадокс утопии и истории отсылает к насилию над той и другой и вместе с этим к невозможности схватить смысл без насилия.

Ссылки на источники

1. Витенберг Б. Путешествия в мир утопий (обзор книг по литературной утопии) // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 93. – С. 327–337.
2. Суслов М. Д. К вопросу об интерпретации российских утопий XVIII века // Вопросы культурологии. – 2009. – № 1. – С. 39–46.
3. Егоров Б. Ф. Жанры русских утопий XVIII – начала XX веков // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2004. – Т. 63. – № 1. – С. 28–32.
4. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
5. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/index.php
6. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega12.txt>.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. – URL: <http://philosophy.ru/library/deleuze/filosof.html>.
9. Мор Т. Утопия. – URL: <http://lib.ru/INOOLD/MOR/utopia.txt>.
10. Хаксли О. Остров. – URL: <http://lib.ru/INOFANT/HAKSLI/ostrow.txt>.
11. Достоевский Ф. М. Сон смешного человека. – URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0330.shtml.

Abstract. The author focuses on the conceptualization of utopia through the lens of poststructuralist philosophy and semiotics. The author identifies the main problems and attempts to solve the most complex issues. These issues relate to the sign utopia euphoria, relations of utopia and ideology, utopia and history, utopia and transgression phenomenon. Each set of problems requires further decisions, detail and conceptualization.

Key words: utopia, transgression, euphoria, sign, post-structuralism.

References: 1–11 – Russian Sources.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»

Дыдров А. А. Текстуальность утопии как поле критичизма философии постструктурализма: от эйфории и псевдокартографии к трансгрессии // Концепт. – 2014. – № 02 (февраль). – ART 14029. – 0,6 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14029.htm>. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

ISSN 2304-120X

9 772304 120142